

the author of clause (article), the moments:

1. Without globally and everywhere organized communications between all state, special bodies and the public institutes included in counteraction to terrorism, effectively to struggle with it (him) today it is practically impossible.

2. All staff (experts, scientific, public figures, etc.) anti-terror should to be constantly ready to introduction of modern changes, innovations which can practically concern any process (training of the staff, information's of structures, search of additional resources of development of anti-terror, etc.).

3. As development of many societies of the world has passed to a postindustrial stage a basis of their development is the economy of knowledge.

Manufacture and distribution of the information today is a basic condition for all: for authorities, for special services and for the public. To study, as it is paradoxical sounds, first of all, adults, and not just children (as many of us have got used to think) constantly should.

Thus, under инновационностью and its(her) opportunities in the basic spheres of ability to live of a modern Russian society the author of clause(article) understands ideal and subject innovative activity of the state, his(its) imperious and other proxy bodies on creation and perfection of system of national safety of Russia.

Key words: national safety, an innovation, state regulation as the factor of national safety of Russia.

УДК 101.1 : 136

Сураева А.М.

ВСЕОБЩЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ*

Аннотация: Автор на конкретном фактическом материале прослеживает диалектику универсального и уникального в мировом историческом процессе. Особое внимание обращается на взаимодействие общецивилизационных императивов развития и подробностей «почвы».

Ключевые слова: социальный инвариант, императивы почвы, фундаментальные социальные константы (ФСК).

Социально-исторический детерминизм направляется не Немесидой, а интенциями на оптимальность, эффективность, гарантийность, достижительность. Скажем: с позиций общественных инвариантов, фундаментальных социальных констант гражданское развитие маркируется чередой сдвигов в цепи: потестарность — политарность — абсолютизм (деспотизм, монархизм, цезаризм, бонапартизм, хунтизм, авторитаризм, тоталитаризм) — октроированный конституционизм — конституционизм — парламентаризм — республиканизм — демократизм. Подобная векторизация исторического движения проявляется на больших интервалах социальности, отображая зависимости дальнего порядка, характеризуя генеральную тенденцию эволюции.

Между тем последняя корректируется локальными системами отсчета, устоями местного обмена деятельностью, императивами почвы. Та же демократия. Пока имеется необходимость санировать авторитарную практику волюнтарного

социума, демократизация как воплощение внутренней обновительной энергии протеста идти будет. Однако, возможно, до известных пределов, — потенциально вероятно вмешательство *coleur locale* в виде хорологических, геополитических ограничений.

К примеру, непосредственную демократию не удастся развернуть в протяженных пространственных контурах — сказываются издержки неоперативности, затратности управления. Сказанное рельефно представляла Екатерина, проблематизирующая перенос в Россию французских законов. «Подумайте только, — сообщала она Вольтеру, — эти законы должны служить и для Европы и для Азии; какое различие климата, жителей, привычек, понятий!.. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять» [4].

Итак, демократическая саморегуляция жизни это — мегатренд, ФСК. Но есть обстоятельство: в жарких климатах, — утверждает Монтескье, — царит деспотия. «Права человека» — такой же мегатренд ранга ФСК. Многими странами они толкуются как экстерриториальные (примат международного права над национальным во многих пунктах, в том числе в этом, фиксирован ст.15 Конституции РФ). Однако современный Китай увязывает соблюдение «прав человека» с «суверенитетом». (Задолго до этого К.Шмитт «правам человека» противопоставлял

* © Сураева А.М.

«права народа»). Право на миграцию — составляющая «прав человека». Между тем увеличение Испанией квоты на натурализацию мигрантов обернулось глубоким недовольством соратников по ЕС. Как видно, ФСК, представляя объективные тенденции, проявляются контекстуально.

Тем не менее, известно, что «эмпирическое бытие обладает смыслом и ценой только в меру стремления к абсолютному идеалу и в меру его осуществления» (Савицкий).

Еще и еще раз обратим внимание на некую аксиоматику цивилизационистики; в ней фигурируют презумпции: в истории не существует ортоидного прогресса; человечество диспергировано по ценностным ландшафтам; жизневоспроизводительные локусы цивилизаций связаны пространственно-временной связью, но не эволюционной преемственностью.

И все же в технологической оснастке жизни инварианты просматриваются. Диспозиции императивов почвы корректируют, но не элиминируют воплощение ценностных универсалий. Скажем: продукт биологического прогресса — биосфера — биоразнообразие, но с акцентом сингармонии, а не синглетики. Аналогично, продукт социального прогресса — социосфера — культурно-историческое разнообразие, но с утробованием глобальности, а не локальности (спорадичности, автаркичности). С этих позиций постулаты цивилизационистики расширяются утверждениями: — показатель «прогресса» — удаление от «естества», — не «возврат к», а «движение от»; и: — прогресс в истории — паушальное обмирщение гуманитарной свободы, векторизуемое модернизацией с такими столпами, как «инновационность», «демократизм», «права человека». Соответственно демодернизация (провал в архаику) реализуется как контрпродуктивный процесс с разрушением инновационности, понижением цены человеческой жизни, автократической стабилизацией, культурной деградацией, правовым нигилизмом.

Серьезный сюжет: способна ли какая-либо единица человечности — страна, ассоциация стран, регион — претендовать на олицетворение всеобщего-совершенного в истории? Недостатка в кандидатах не обнаруживается.

Европоцентризм. Со времен Рима складывается относительно унитарная историография, утрирующая — политическое единство народов под патронажем римской империи (отсюда стереотип превосходства Европы, задающей единство мира на базе континентальных ценностей); и — духовное единство народов под патронажем христианства, использующего сквозное понятие начала (сотворение), цели (искупление, спасение через преодоление грехопадения), завершения

(судный день, наступление миллениума) исторического процесса.

Евсевий дает библейский вариант социально-политической консолидированности народов Средиземноморья и переднего Востока. Его дополняет Блаженный Иероним, привязывавший консолидацию к державному бытию Ассиро-Вавилонской, Индо-Персидской, Греко-Македонской, Римской монархий вплоть до страшного суда. Кардинальное обобщение провел Августин, введя своеобразную финализацию исторического развития, нацеленную на воплощение царства Божьего на земле после «конца света». Европейский сценарий телеологии (теоретико-логического провиденциализма) с характерной финализацией отстаивал Гегель (фикс-пункт прогресса — прусская военно-феодальная монархия); Кожев (фикс-пункт прогресса — «идеальное» государство); Фукуяма (фикс-пункт прогресса — либерально-рыночная демократия).

Словом, в пространной и словоблудливой финалистской риторике утрачивается какое-либо ощущение меры. С позиций внедоктринальной (внекнижной) человечности европоцентризм, несомненно, не вдохновляет поразительно-некритическим сужением исторического кругозора.

Азиофильство. Азиофильскую платформу заявляет М.Мохамед, утверждая: «Европейские ценности есть ценности Европы, азиатские ценности — универсальны» [14]. Конечно, хорошо тешить себя иллюзией, что Бог и святые слышат к ним обращенные молитвы, однако в обход деидератов платформа должна быть квалифицирована как вполне курьезная; — ни один знак не свидетельствует о цивилизационной преимущественности азиатского образа жизни. Мажорные же реминисценции относительно былых завоеваний для рекультуризации существования мирового сообщества в азиатском духе, разумеется, недостаточны.

Славянофильство. Программа «особнянской» (В. Соловьев) стати Руси сложилась как социо-софская реакция на европоцентричный финализм и норманизм. Естественный протест вызывала декларация романо-германского авторства истории: развитие цивилизации ограничивается романо-германской фазой. Неуважению славянского достоинства противопоставлена идея миссионизма и мессианизма, — имеет место славянский фазис всемирно-исторического процесса, связанный с особой ролью России в мире как оплота праведности и благодати (платформы «Москва — Третий Рим»; «святая Русь — ковчег спасенья»; «Русская правда — высшая форма духовности, религиозно-исторического синтеза», единящая Запад и Восток, Европу и Азию).

Подспудье глубокого и мощного потока

развертывания патриотичной мысли составили комплексы:

— обязанность Руси сохранить, поддержать православие после падения Константинополя (Москва — хранитель и охранитель святой веры);

— предание, будто апостол Андрей Первозванный в бытность на Руси посетил место, где стал Киев (христианство освятило государственность);

— легенда о белом клобуке, бывшем в Риме, Константинополе, Москве (аутентичность русского христианства);

— сказание об иконе Тихвинской Божьей Матери, которая из Константинополя попала на Русь и призвала ее на подвиг. Отсюда и вытекает миссионерское назначение Московского царства быть средоточием правых заветов старины [9].

Задача упрочить святоотеческие традиции фактом своего существования в мире развивающимся образом подействовала на трактовку национального состояния: богоносность России спасет вырождающееся человечество. Величавые очертания экстравагантной конструкции одинаково сильно влияли на деятелей разных интеллектуальных ориентаций, однозначно поддерживающих идеологически «сфабрикованную народность» (Чаадаев).

Вникнем в суждения:

— Н. Гоголь: «Европа придет к нам... за покупкой мудрости» [5];

— Ф. Достоевский: русский народ «один способен и призван всех воскресить своей истиной»;

— М. Погодин: «не в наших ли руках политическая судьба Европы и, следственно, мира, если только мы захотим решить ее?» [10];

— Н. Бердяев: «...славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества» [3];

— С. Булгаков: Россия «призвана духовно вести за собой европейские народы».

Итак, славянофильство кристаллизовалось как рефлексивный ответ на обидную культурологическую предвзятость уверовавших в справедливость ортоидной схемы исторического развития под эгидой европеизма. Помимо патриотичности славянофильство зиждется на заявлении автономичности. Продуктивность первой очевидна, продуктивность второй сомнительна. Суть в том, что противопоставление России Европе в качестве державной сверхцели выстраивается на одинаково неудачном утрировании культурно-цивилизационных признаков. Примем во внимание строже и осмысленно:

1. Христианство Руси достается от Византии, Европе от Рима;

2. Письменная культура пришла на Русь от

греков, в Европу от римлян;

3. Точкой роста гражданственности на Руси оказывается община, в Европе лицо;

4. Державное тело Европы в ходе колонизации оформлялось через завоевание, на Руси через союзничество.

Однако на интенции уважительного отношения к национальным корням проводится интенция цивилизационной отъединенности отечества. «Самостийным» составом последней выступают:

1. Цезарепапизм — секулярная автократическая религия, предполагающая обожествление царской власти: «название государя земной бог, хотя и не вошло в титул», но «допускается как толкование власти царской» [12]; «одна вечная неизменная стихия — царь», «одно начало всей народной жизни — святая любовь к царю» (Надеждин). («Самодержец» — перевод византийского императорского титула *autocrator* — самостоятельный государь, не подчиненный никакой внешней власти. В точном смысле слова самодержавная организация правления как полный формальный и формульный властный абсолютизм сложилась с Петра I. В Ст. 20 принятого им Артикула Военского утверждается: «... Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Доктринальное обоснование необходимости абсолютизма в России провел Феофан Прокопович);

2. Несвобода — гражданский сервиллизм: «русский народ специально не создан для свободы» [8]; безынициативность — на эту черту гласных (выборных) от крестьян в собраниях указывал Кошелев;

3. Неполитическая общность — мир как «хоровое начало», коллективизм как олицетворение общинной совести, социальная организация, держащаяся на нравственных узах. Со штампом патриархально-патримониального строя России «без Конституции» активно полемизировал Кавелин, усматривавший специфику национальной истории в том, что она есть именно государственная история (история не народа, но государства!) [6]. В отличие от стагнирующего Востока мы развиваемся, но локомотивом движения (в отличие от Европы) у нас выступает правительство (не община, как предвзято полагали славянофилы);

4. Искательная духовность с соборной внутренней правдой, силой морального мнения. Как декларировал К.С. Аксаков, «неограниченная власть — царю, полная свобода духа и жизни — народу, свобода действия и закона — царю, свобода мнения и слова — народу» [1]. Разнесение власти и свободы по разным социальным нишам, однако, казалось неправомерным уже во времена

славянофилов. На эмпирический факт перерождения власти они сами же и указывали. «Откуда происходит внутренний разврат, взяточничество, грабительство и ложь, переполняющие Россию?... Все зло от угнетательной системы нашего правительства, оттого, что правительство вмешалось в нравственную жизнь народа и перешло, таким образом, в душевредный деспотизм» [12]; «... Русская земля стала как бы завоеванною, а государство — завоевателем. Русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника» [11].

Подчеркнем *неадекватность* славянофильского перехода на параллельный цивилизационный фарватер. Одно дело — культурная самобытность, иное — цивилизационная. Повторим исходную мысль: апология национально-исторической культуры оправдана. И в этом добропорядочном деле со славянофилами солидаризировались западники. У того же Белинского находим: «один из величайших умственных успехов нашего времени в том состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании ничего не имеющих с ней общего европейских народов» [3].

Между тем за пределами национально-культурного подхода понятие самобытности никакого распространения получить не способно. Технологии воспроизводства жизни, вершения истории, пролонгации существования по большей части стандартны, инвариантны, типологичны, что и передается представлением их цивилизационной идентичности. Есть общечеловеческие универсальные знания и не может быть этнического «живого знания», о чем учили славянофилы. Есть гражданское состояние народа с соответствующими гарантиями, и не может быть этнической крестьянской общины, где «рабство есть свобода», о чем также они учили. (Вообще же круговая порука — гражданский анахронизм — рычаг обеспечения повинностей при общинном владении землей, т.е. элемент группового рабства).

Механизм цивилизации космополитичен, надэтничен, выказывает плодотворность результативностью. Верно, Россия представляет собой «целый мир». Но для чего добавлять к нему погодинское «самодовольный», «абсолютный». В цивилизационном плане подобные эпитеты бессмысленны. Независимость — да, самодостаточность — да, суверенность — да. Но не того более. Какое цивилизационное значение имеет насаждение стереотипов нации-семьи (славянофилы), общины — зародыша будущих социальных укладов (западники). Дремушая романтическая утопия...

Объединяться надо не в направлении культурной мифологизации, а в направлении цивилизационной демифологизации с критикой царизма, крепостничества, бюрократизма, полицеизма, достижением гражданских свобод, расширением вовлечения, участия.

Магистралю человечества намечаются здоровой прагматикой, а не отрешенными исканиями. Скажем: внутренняя свобода дается демократией, чем инициируется историческая миссия народов. На этом фоне странно тщиться занять передовые позиции в мире философской проповедью народного платьепоклонства. Вспомним Герцена (письмо Александру II): «На своей больничной койке Европа... указывает как на единый путь спасения именно на те элементы, которые сильно и глубоко лежат в нашем народном характере...». Кстати, о последнем. Достоевский видел спасение страны в одворянивании мужика — вознесении его до дворянской сложности. Толстой ратовал за прямо противоположный процесс — омужичивание высшего класса, опрощение. Леонтьев и вовсе разочаровался в народе, представлявшемся ему неграмотным, забитым, пьяным [7].

Что в итоге? Недоумение — какой мерой мерить справедливость утверждений «в народе разум», «крестьянская община судьбоносна». Культурный пафос славянофильства ясен. Не ясен макросоциологический, цивилизационный его смысл. Идея богоизбранности России трансформирует культурологический христианский комплекс в политический «зоологический патриотизм», «делающий из нации предмет идолослужения» [13] и инспирирующий авантюры типа — войны за оттоманское наследство; — отрицания за Западом всяких прав быть христианским миром [3]. Что же — народ-богоносец есть народ-агрессор? Не лучше ли расстаться со «сфабрикованной народностью» и озаботиться «присоединиться к человечеству» (Чаадаев)!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксаков К.С. Сочинения исторические. Т.2. М., 1889. С. 284.
2. Белинский В.Г. Собр. соч. в трех томах. Т.3. М., 1948. С. 644.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 9, 10.
4. Бумаги императрицы Екатерины II. Т.3. СПб., 1874. С. 286.
5. История России в XIX в. Вып. 6. М., 1907, С. 452.
6. Кавелин К.Д. Соч. М., 1859. Ч.2. С.455.
7. Леонтьев К. Собр. соч. т. 7. С. 424.
8. Леонтьев К. Письма к Фуделю // Русское обозрение. 1885. №1. С.36.
9. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 2000. С. 258.
10. Погодин М.П. Соч. т.4. М., б.г. С.7.
11. Ранние славянофилы. Сб. статей. М., 1910. С.86.
12. Теория государства у славянофилов. Спб., 1898. С.

40, 49.

13. Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. С.630-631.

14. The Economist. 1998. July 25-31. p. 23.

A. Suraeva

GENERAL AND ESPECIAL IN HISTORICAL
PROCESS

Abstract: The author on a concrete actual material traces dialectics universal and unique in world historical process. The special attention pays on interaction general civilizational imperatives of development and soil details.

Key words: social invariant, the soil imperatives, fundamental social constants.

УДК 1 (091)

Шахназаров В.Г.

СПЕЦИФИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОХРАНИТЕЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА 2-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И М.Н. КАТКОВА)*

Аннотация: В статье рассмотрены характерные черты консервативного мировоззрения, выделены особенности охранительного консерватизма. Обрисована духовная атмосфера в России 2-й половины XIX века, когда оформлялась охранительно-консервативная идеология (глубокий кризис всех сторон российского общества, распространение в среде интеллигенции западных идей, кризис Русской православной церкви). Далее исследовано, как в охранительно-консервативном мировоззрении К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова отразились яркие черты, присущие русскому консерватизму в целом: православная религиозность, утверждение самодержавной государственности, стремление к сохранению общественной иерархии, критика либерализма, революционного социализма, нигилизма, антизападнический пафос. В заключении подчеркнуты негативная и позитивная роли консерваторов-охранителей 2-й половины XIX века.

Ключевые слова: консерватизм как философская позиция, охранительная функция консерватизма, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, западничество 2-ой половины XIX в., консерватизм в своей критической функции.

Проблема сущности консерватизма далека от окончательного прояснения, и тому есть ряд причин. Первая – необходимость преодоления ложных стереотипов. Как справедливо пишет А. Репников, «долгие годы термину консерватизм в нашей стране придавалась заведомо негативная окраска. Представители этого течения общественно-политической мысли в нашей стране рассматривались исключительно как «реакционеры»,

«мракобесы» и т.д.»¹. Консерваторам априори отказывали в творческом начале, ибо полагали, что их стихия – приверженность ко всему отжившему, вражда ко всему новому и передовому. Русские консерваторы XIX в. действительно высказывали резкое недовольство необдуманными модернизационными процессами, ломкой устоявшегося стиля жизни (особенно эта критика усилилась к концу столетия). При этом игнорировался тот факт, что зачастую консерваторы выступали не апологетами застоя как такового – «они видели пути решения проблем, стоящих перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на национальный опыт постепенном эволюционном реформировании системы»².

Еще одна проблема: консерватизм плохо поддается рациональному дискурсу. Сложно облечь данное мировоззрение в форму четких дефиниций по той причине, что, в отличие от либерализма, основанного на здравом смысле, логике, интересах эмпирического мира, консерватизм сакрален, базируется на глубинных религиозных основаниях, иррациональных началах, таких, как Вера, Любовь. Как пишет А.Н. Боханов в статье «О «теории», которой не было», «никакой «консервативной теории», т.е. системы четких политико-социологических положений и определений, в этой области не существует. Имеется лишь сумма мировоззренческих признаков и общественных ориентиров, позволяющих провести социальную грань и констатировать наличие консервативной страты в социальной среде... Русский консерватизм – это область чувства, инстинкта, религиозного таинства»³.

В целом, мы разделяем *обобщенные черты* некоего инварианта консервативного мирозерцания, которые приводит в своей монографии О.В.

* © Шахназаров В.Г.